

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 2 (131), с. 87–99.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 2 (131), pp. 87–99.

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-7>

<https://elibrary.ru/swqwld>

Объективация взаимосвязи морской и литературной стихий в прозе Виктора Конецкого

Елена Михайловна Мартынова

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,

Орел, Россия

lm1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0686-4304>

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу корреляции морской и литературной составляющих жизни и творчества писателя-мариниста В. В. Конецкого. В процессе исследования были проведены параллели между указанными стихиями в концептуальном, функциональном и лингвистическом планах. Определены и типологизированы базовые точки соприкосновения двух когерентных миров, обеспечивающие прочную ассоциативную связь. Отобраны и проанализированы тропы, реализующие их образное изображение.

Ключевые слова: море, литература, морской нарратив, интертекстуальность, антропоморфизм

Для цитирования: Мартынова Е. М. Объективация взаимосвязи морской и литературной стихий в прозе Виктора Конецкого. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 2 (131), с. 87–99. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-7>; EDN: SWQWLD

Objectivation of interrelation between the marine and literary nature in Viktor Konetsky's prose

Elena M. Martynova

Federal Guard Service Academy of the Russian Federation,

Orel, Russia

lm1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0686-4304>

Abstract. The article dwells upon the identification and analysis of correlation between the marine and literary components of life and creative activity of the marine writer V. V. Konetsky. The research focuses on the parallels between these elements in terms of conceptual, functional and linguistic aspects. The common ground, which provides a strong associative connection shared by two coherent worlds, has been identified and typologized. The author has also selected and analysed tropes that implement the figurative representation of these realms.

Keywords: sea, literature, intertextuality, marine narrative, anthropomorphism

For citation: Martynova E. M. Objectivation of interrelation between the marine and literary nature in Viktor Konetsky's prose. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 2 (131), pp. 87–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-7>; EDN: SWQWLD

Введение

Произведения, написанные специалистами в конкретной области, всегда подкупают своей достоверностью. Профессионалы со знанием дела описывают свой опыт деятельности в разных областях, например, в медицине (А. П. Чехов, М. А. Булгаков), журналистике (С. Д. Довлатов, А. Хейли), юриспруденции (Дж. Гришэм) и др. Лингвистическая инструментовка их идей соответствовала аутентичности изложения хорошо знакомого материала. Писатель-маринист, писатель-моряк, выразитель идей производственной и философской маринистики Виктор Викторович Конецкий сочетал в себе знание и опыт морской жизни, художественное мировидение и языковое чутье. По мнению литературного критика М. Ф. Амусина, творения В. В. Конецкого обладают «обаянием подлинности» благодаря «пережитому знанию морского ремесла и быта». Кроме того, ученый отмечает существенную «литературность» текстов писателя¹.

Выбранный автором жанр путевой прозы, являющий собой синтез путевого дневника, литературной критики, философского трактата и лирической прозы, выработанный идиостиль, сформировавший особый дискурс, предоставили автору определенную свободу самовыражения, позволяя «протаскивать в сознание читателя труднопроходимые имена и неудобные темы»².

Современники называют В. В. Конецкого «культовой фигурой»³, «солью нашего общества»⁴. Е. Зиновьева отмечает реализм его произведений, вплетение в путевой журнал отсылок к историческим фактам, фрагментов автобиографической прозы и публицистики⁵. Прозе писателя присущи «честность и исповедальность», «отчетливая гражданская позиция» благодаря независимости, подаренной морем⁶; лиризм⁷;

¹ Амусин М. Ф. «За каждым валом – даль». *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 170–178.

² Там же, с. 173.

³ Горюнов А. М. «Не трогайте Вику». *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 282.

⁴ Попов В. Г. Морской волк. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 217.

⁵ Зиновьева Е. Виктору Конецкому посвящается. *Нева*, 2019, № 6, с. 216.

⁶ Каралис Д. Н. Аксиологическое и гносеологическое в произведениях Виктора Конецкого. Феномен лирического героя-рассказчика в безвременье 1970–1980-х. *Научные записки Новосибирского государственного университета экономики и управления*, 2024, вып. 1, с. 34–39.

⁷ Голицына Т. Н. Невидимый, но всепоглощающий героизм: смысловая организация рассказа В. Конецкого «Тамара». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2020, № 4, с. 44.

историзм, мемуарность, точность наблюдений, романтизм, тонкий юмор¹. Последняя черта его нарратива объясняется самим литератором так: «Флот извечно стоял одной ногой на воде, другой – на юморе»². По утверждению известного советского писателя Д. А. Гранина, «юмор растворен в самом повествовании» сочинений В. В. Конецкого. Он также отмечает открытость писателя, которая зиждется на накопленных «жизни и личности»³.

Исследователи очертили круг приоритетных тем, которые затрагивают творения В. В. Конецкого: «вопросы о Жизни, ее смысле, о Боге, Родине, Природе, Искусстве»⁴; внутренняя жизнь индивида⁵. Путевые очерки писателя называют одновременно и «документами эпохи»⁶, и «путешествием внутрь себя»⁷.

Редактор И. В. Кудрова, отмечая интровертность В. В. Конецкого, констатирует, что ключом к разгадке его личности и таланта являются его произведения⁸. Прозаик Д. Н. Каралис называет любовь к Родине основным ценностным компонентом его творческой деятельности⁹.

Актуальность выбранной темы обусловлена неизменным интересом читателей и ученых к творчеству писателей-маринистов в целом и конкретно к прозе Виктора Конецкого, а также необходимостью более тщательного изучения лингвистической составляющей его произведений. Целью предпринятого исследования является ана-

¹ Фесенко Э. Я. Арктический вектор в жизни героев русской прозы XX века. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2016, № 4, с. 134–147.

² Конецкий В. В. *Лети, корабль!: эссе, материалы к биографии В. Конецкого, живописные работы*. Санкт-Петербург: МФ «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2003, 232 с. URL: https://booksafe.net/download/koneckiy_viktor-dopolnitelnyy_tom_leti_korabl-192465.epub (дата обращения: 30.08.2025).

³ Гранин Д. А. Виктор Конецкий. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 89.

⁴ Фесенко Э. Я. Холод, воля и свобода: Арктика как иероглиф территории Виктора Конецкого. *Арктика: гуманитарные векторы развития. Тезисы Международной конференции*. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2022, с. 159.

⁵ Голицына Т. Н. Невидимый, но всепоглощающий героизм: смысловая организация рассказа В. Конецкого «Тамара». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2020, № 4, с. 44.

⁶ Говоруха Л. С. Овеянный романтикой. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 249.

⁷ Фесенко Э. Я. Арктический вектор в жизни героев русской прозы XX века. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2016, № 4, с. 137.

⁸ Кудрова И. В. «Название не придумывается», – так написал бы Конецкий. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 149–156.

⁹ Каралис Д. Н. Аксиологическое и гносеологическое в произведениях Виктора Конецкого. Феномен лирического героя-рассказчика в безвременье 1970–1980-х. *Научные записки Новосибирского государственного университета экономики и управления*, 2024, вып. 1, с. 38.

лиз механизмов манифестации неразрывной связи и синергии моря и литературы в сочинениях В. В. Конецкого. Новизна настоящей работы заключается в выявлении и типологизации языковых инструментов реализации когерентности морской и литературной стихий в творениях писателя. При проведении исследования использовались методы сплошной выборки, индукции, дедукции, нарративного и лингвопрагматического анализа.

Основная часть

Книги сопровождали В. В. Конецкого в дальних плаваниях: «Лежали рядом книги Стендаля, Грина, Голсуорси, Сименона»¹; «Лермонтов, Беранже, Старый капрал, “Воздушный корабль” – неплохие у меня сегодня на ночной вахте попутчики»². Благодарный и одновременно требовательный читатель В. В. Конецкий делится своими впечатлениями о прочитанных книгах: «За две недели прочитал одну книгу – “Очерки былого” С. Л. Толстого. Спокойная книга, написанная спокойным человеком в спокойной обстановке, – так мне показалось»³, и дает себе установку читать больше. Он переживает «минуты счастья от того, что есть в мире искусство и книги»⁴. В видении В. В. Конецкого литература помогает раскрыть сущность целого народа и отобразить «его мечту о себе»⁵.

Интертекстуальность произведений писателя была предопределена в далеком детстве. По свидетельству Т. В. Акуловой-Конецкой, вдовы писателя, «в блокадной квартире, протяни только руку <...>, были и Чарская и “Маленький лорд Фаунтлерой”»⁶. Именитый литератор не забыл свои детские увлечения, и созерцание недобросовестной работы грузчиков в порту вызвало в памяти выражение Лидии Чарской – «томительно сжималось сердце»⁷. Рождение в один день с А. С. Пушкиным стало одним из факторов, которые обусловили его преклонение перед великим поэтом, следование его ориентиру: «...а потом Ване стало и кюхельбекерно и тошно, ибо эти сто десять килограммов тащить надо было на своем горбу...»⁸.

Обилие упоминаемых произведений и их сочинителей невольно пробуждает ассоциацию: читающий писатель В. В. Конецкий и «заядлый читатель» Артуро Перес-Реверте, автор морского приключенческого романа «Карта небесной сферы, или Тайный меридиан». Но если произведения испанского писателя А. Переса-Реверте насыщены литературными аллюзиями⁹, то В. В. Конецкий идет дальше, затеявая бе-

¹ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 507.

² Там же, с. 592.

³ Там же, с. 433.

⁴ Там же, с. 507.

⁵ Там же, с. 546.

⁶ Акулова-Конецкая Т. В. Волшебные чары Лидии Чарской. *Родина*, 2025, № 3, с. 37.

⁷ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 374.

⁸ Там же, с. 430.

⁹ Belmonte J. S. Los excesos de intertextualidad de un héroe cansado: El club Dumas de Arturo Pérez-Reverte. *Bulletin hispanique*, 2015, vol. 117, no. 1, p. 346.

седы с Э. Хемингуэем и Дж. Пристли, организуя неожиданные «встречи» с А. С. Пушкиным в далеких уголках мира, рассказывая свои «писательские» сны. Часто в повествовании встречаются предложения типа: «Читал Стендаля»¹; «Читаю Кука»².

Анализ романа-странствия В. В. Конецкого «За доброй надеждой» позволил выявить взаимосвязь и провести параллели между морем и литературой в творчестве писателя.

Ключевым параметром, определяющим конвергенцию двух стихий, является требование полной самоотдачи от моряка / писателя. Отождествляя взыскательность моря и литературы, В. В. Конецкий выдвигает свой центральный тезис: «Море требует от человека жизни. Или отдавай судьбу, или оно не признает. Литература требует того же»³.

Писатель говорит о способности моря «заглядывать в душу», «видеть мой страх»⁴ и требовать его преодоления. Подлинное творчество требует от творца силы духа для исповеди, «бестрепетного заглядывания в себя самого, в свое самое интимное нутро, в самый центр противоречий своих мыслей, в самое слабое место души»⁵.

Море воспитывает прямоту, решительность, ответственность: «требует прямых вопросов и прямых ответов», «быстрых решений», «тщательных, аккуратных, монотонных, предусмотрительных забот». Литература также требует внутренней дисциплины, являясь «серией решений», однако это процесс неторопливый, плоды которого можно получить не сразу – «результат всегда остается за горизонтом»⁶.

И неслучайно В. В. Конецкий цитирует отрывок из статьи Томаса Манна «Анна Каренина», в которой «старый немец», восхищаясь произведением Л. Н. Толстого, указывает на то, что морская и эпическая стихии подобны друг другу⁷.

Процесс работы с морской картой В. В. Конецкий описывает как «погружение»⁸, сравнивая его с иммерсией в произведение живописи, но такой подход актуален и для «настоящей книги»⁹.

Море выступает источником метафор для литературных обзоров и сопоставлений. Например, артист читает по памяти стихотворение Шарля Бодлера «Плавание» – «от киля до клотика»¹⁰.

¹ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 527.

² Там же, с. 479.

³ Конецкий В. В. *Никто пути пройденного у нас не отберет*. Москва: Книжная палата, 1989, с. 183.

⁴ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 44.

⁵ Там же, с. 459.

⁶ Там же, с. 462–463.

⁷ Там же, с. 521.

⁸ Там же, с. 515.

⁹ Там же, с. 61.

¹⁰ Там же, с. 473.

Вторым, функциональным, признаком параллелизма в репрезентации моря и литературы является тот факт, что они выступают в прозе писателя в качестве локуса памяти и истории. Море представляет собой величайший архив человеческой истории. Оно – свидетель крушений и сражений, «братская могила»¹; хранитель «теней» прошлого: «В ночные тихие вахты толпились в угловатой рубке старомодного теплохода сотни теней. Это были тени тех, кто отдал холодной стали свое тепло в прошлые десятилетия»². Литература – это амальгама книг – реализаций индивидуальностей авторов, она предстает как сонм живых голосов, переплетение фактов и вымысла. Размышляя о «глубине и красоте» Библии и Корана, В. В. Конецкий акцентирует внимание на том, что они заключают в себе «все, накопленное предыдущими поколениями за тысячелетия»³.

Проводником между морем и литературой становится писатель-моряк. В. В. Конецкий признается в том, как сложно «уместить» в себе «любовь к морю и любовь к художественному»⁴. Он подчеркивает неразделимость трех элементов: океан – Мелвилл – «Моби Дик» как результат синергии; воздух – Экзюпери – «Маленький принц» как символ его творчества⁵.

Третий, лингвистический фактор, объединяющий море и литературу, – антропоморфизм в изображении этих феноменов. Море рисуется как «разумное существо», «мокрое соленое существо»⁶, «дикое существо»⁷, которое «имеет свой нрав, характер и свои каверзы»⁸, «обожает неожиданности»⁹. У него есть брюхо («синее брюхо океана слегка колышется от смеха»¹⁰), горло («влезал в горло Белого моря»¹¹), руки («Индийским и Тихим океанами, их рукопожатием»¹²); оно обладает способностью смеяться, говорить и молчать («Ледовитый с Тихим встречаются безмолвно»¹³), спать («океан храпел и посапывал»¹⁴, «вздыхал и ворочался»¹⁵). В. В. Конецкий даже

¹ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 300.

² Там же, с. 261.

³ Там же, с. 382.

⁴ Конецкий В. В. *Никто пути пройденного у нас не отберет*. Москва: Книжная палата, 1989, с. 221.

⁵ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 189–190.

⁶ Там же, с. 44.

⁷ Там же, с. 165.

⁸ Там же, с. 138.

⁹ Там же, с. 153.

¹⁰ Там же, с. 452.

¹¹ Там же, с. 402.

¹² Там же, с. 349.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 151.

¹⁵ Там же, с. 156.

находит сходство между морем и приснившимся ему Э. Хемингуэем – «такое же старое, темное и тяжелое»¹.

Окруженные морем одинокие острова ассоциируются у В. В. Конецкого с отшельниками и святыми, «накапливающими неведомую внутреннюю силу» и вызывающими «восторженное и религиозное чувство»².

Корабли, являясь «живыми памятниками», как и море, имеют «собственную историю жизни», судьбу, характер, «получая при рождении имя собственное»³; нервы («Электромеханические нервы были давно издерганы»⁴); брюхо («Либерийский танкер, вспоровший себе брюхо о скалы возле берегов южной Англии, выпускал из кишок сырую нефть»⁵). Они «разговаривают между собой, перебивают косточки своим капитанам, жалуются на плохой уход или хвастаются красивой трубой», «покачиваются со смеху» и т. д.⁶. В. В. Конецкий даже составил метафорическую классификацию судов, разделив их на «трудяг», «аристократов» и «вояк»⁷.

В воображении Виктора Конецкого и океан, и корабль похожи на лошадь: «океан передернул мокрой кожей, как передергивает лошадь от удара кнутом»⁸; «судно оборачивает к тебе свою длинную морду и косит на тебя взглядом так, как делает это добрая лошадь, когда ждет похвалы от всадника за искреннее усердие»⁹. И теперь уже у читателя возникает литературная параллель с Мигелем Сервантесом, тоже писателем-моряком, и его вечными образами дон Кихота и Росинанта.

Привлекает внимание яркая, ставшая хрестоматийным примером, метонимия «Вокруг было битком набито писателей. Вся русская литература снялась с якорей»¹⁰. В видении автора происходит полное отождествление морского судна и писателя: теплоход «Иван Гончаров» заменяется «классиком морских путевых заметок»¹¹; «Александр Пушкин» становится просто Александром Сергеевичем, направляю-

¹ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 65.

² Там же, с. 584.

³ Конецкий В. В. *Лети, корабль!: эссе, материалы к биографии В. Конецкого, живописные работы*. Санкт-Петербург: МФ «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2003. 232 с. URL: https://booksafe.net/download/koneckiy_viktor-dopolnitelnyy_tom_leti_korabl-192465.epub (дата обращения: 30.08.2025).

⁴ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 384.

⁵ Там же, с. 157.

⁶ Там же, с. 298.

⁷ Там же, с. 434–436.

⁸ Конецкий В. В. *Никто пути пройденного у нас не отберет*. Москва: Книжная палата, 1989, с. 178.

⁹ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 75.

¹⁰ Там же, с. 197.

¹¹ Там же, с. 482.

щимся на Всемирную выставку¹; качается на волнах «туша честного писателя “Короленко”»².

Помимо антропоморфных тропов, у автора рождается урбанистическая метафора: в его восприятии проливы – это «переулки между площадями»³; гастрономическая метафора представляет Атлантический океан как «густой и жирный суп»⁴; зооморфа «верный пес» удостаивается инструмент писателя – печатная машинка – «старая, мудрая “Эрика”»⁵.

Четыре категории стимулов открывают для моряка В. В. Конецкого портал в литературу. Первая категория естественно представлена окружающей писателя стихией – океаном и морем. Они протягивают связующую нить к тем, кто о них писал. Так, море связано прежде всего с писателями-мореходами: «помором-зверобоем» Михайлой Ломоносовым, «начинавшим современный русский язык»⁶; Германом Мелвиллом; Джозефом Конрадом и др., а также с литераторами, которые не могли обойти вниманием величие морской стихии: А. С. Пушкиным, Г. Р. Державиным, С. А. Есениным и т. д.

Вторую, чрезвычайно репрезентативную, группу составляют географические наименования: появление на горизонте Корсики извлекает из памяти французского писателя Проспера Мериме и его новеллу «Маттео Фальконе»⁷; рассветный Босфор звучит есенинскими строками: «Никогда я не был на Босфоре, ты меня не спрашивай о нем...»⁸; в пейзаж с каменным мостом, предположительно построенным римлянами в окрестностях Латакии, органично вписывается восклицание «камо грядеши?»⁹; Алжир и Оран, город-порт на побережье страны, относят писателя в мыслях к детской книге Э. И. Выгодской «Алжирский пленник», повествующей о судьбе Мигеля Сервантеса, и воспоминаниям самого автора «Дон Кихота»¹⁰; Нотр-Дам-де-ла-Рут около отмели Этуаль, выстраивая сложную цепочку ассоциаций, вначале отсылает к Парижу, собору Нотр-Дам, а затем доносит «запах» рассказа Эрнеста Хемингуэя «Кошка под дождем»¹¹; остров Нантакет, залив Мэн связаны с приключениями героев Германа Мелвилла¹²; Пуэнт-Нуар и Африка в целом вызывают дух сразу нескольких писателей – Грэхема Грина, Артюра Рембо, Джозефа Конрада, стремившихся туда в поисках истоков, следуя так называемой «пуповине»¹³.

¹ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 197.

² Там же, с. 536.

³ Там же, с. 348.

⁴ Там же, с. 155.

⁵ Там же, с. 533.

⁶ Там же, с. 396.

⁷ Там же, с. 238.

⁸ Там же, с. 388.

⁹ Там же, с. 383.

¹⁰ Там же, с. 299.

¹¹ Там же, с. 457.

¹² Там же, с. 188–189.

¹³ Там же, с. 602–603.

Третью группу триггеров литературных ассоциаций составляют корабли. Они представляют В. В. Конецкого задуматься о жизненном пути писателей: его волнует ирония судьбы Ивана Гончарова, не любившего море, но написавшего «Фрегат “Паллада”» и вынужденного «десятилетиями носиться и носиться по волнам»¹. Вид «Александра Пушкина» наводит автора на воспоминание о том, что писателя не выпускали из страны². Соседство на рейде с кораблями-«писателями» навеивает «писательский» сон – кошмар с участием Федора Михайловича Достоевского³.

Необходимо отметить, что литературные сны посещают В. В. Конецкого достаточно часто: чтение книги воспоминаний Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» приводит его во сне в гости к американскому писателю⁴; во время плавания в южной части Атлантического океана автор обнаруживает себя во сне внутри разыгрываемой актерами страшной пьесы⁵; вслед за чтением перед сном Стендаля и размышлениями о сходстве художественной манеры Джошуа Рейнольдса и Джона Голсуорси приходит сон с участием «допотопного поэта», читающего хорошие стихи⁶; после очередной вахты В. В. Конецкий видит сон о своей «нездоровой жадности к книгам»⁷.

Четвертая категория инкорпорирует природные пейзажи и погодные условия, пробуждающие литературные аналогии: стучащий по палубе дождь созвучен стихам Василия Третьяковского⁸; «монотонный, тоскливый вой» боры напоминает «предсмертный вопль марсиан» Герберта Уэллса⁹.

Следует упомянуть еще один пусковой механизм, инициирующий погружение в литературу, не связанный с морем, но отражающий тяготение В. В. Конецкого к жанру эссе, – это рефлексия о жизни, нравственных вызовах, искусстве, которая заставляет писателя привлекать мнения на этот счет знаменитых литераторов. Он размышляет о целях писательства, важности вымысла, который делает литературу художественной, слабости авангардизма и др. В этом ему помогают А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, М. Ю. Лермонтов, В. В. Маяковский, Т. Манн, А. Моруа и др. Усталость от долгого рейса, длительный дрейф порождают потребность в свете «великих»¹⁰, и В. В. Конецкий ищет опору, например, в стихах Фридриха Шиллера¹¹.

¹ Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 483.

² Там же, с. 197.

³ Там же, с. 198–199.

⁴ Там же, с. 63.

⁵ Там же, с. 626.

⁶ Там же, с. 627–628.

⁷ Там же, с. 704.

⁸ Там же, с. 483.

⁹ Там же, с. 396.

¹⁰ Там же, с. 727.

¹¹ Там же, с. 450–451.

Выводы

Море и литература не просто сосуществуют в мировидении Виктора Конецкого, они связаны прочным морским узлом. Навигация по морю созвучна навигации по литературе, направление движения писателю указывает один внутренний компас.

Взаимосвязь моря и литературы обнаруживается на концептуальном, функциональном и лингвистическом уровнях. Сущностный компонент этих стихий включает общие характеристики: требовательность, умение проникать в душу человека и одновременно поглощать его без остатка. Функциональное сходство базируется на том, что эти явления становятся хранилищем памяти и истории мировой цивилизации. Лингвистическое родство проявляется в антропоморфизации изображения этих феноменов. Интерференция двух стихий влечет за собой усиление эмоционального и интеллектуального воздействия повествования на читателя.

Дискурсу В. В. Конецкого свойственны диалогичность (ведение мысленных бесед с писателями, пересказ «писательских» снов), цитация (выдержки из книг, статей, мемуаров прославленных литераторов разных времен, поверяющие и подкрепляющие умозаключения автора), тропеизация морского нарратива, материализация метафорического потенциала моря в описании других сфер жизнедеятельности.

Ассоциативная связь между морем и литературой эксплицируется четырьмя группами триггеров: морской стихией как средой постоянного обитания писателя; географическими реалиями, встречающимися у него на пути; кораблями, получившими в качестве названий имена известных писателей; природными, климатическими условиями.

Список литературы / References

Акулова-Конечкая Т. В. Волшебные чары Лидии Чарской. *Родина*, 2025, № 3, с. 36–37. EDN: ABSIMB

Akulova-Konetskaia T. V. Magic of Lydia Charsky. *Homeland*, 2025, no. 3, pp. 36–37. (In Russ.) EDN: ABSIMB

Амусин М. Ф. «За каждым валом – даль». *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 170–178.

Amusin M. F. "Beyond every mound is a distance". *Victor Konetsky: a man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait*; compiled by T. V. Akulova. St Petersburg, 2014, pp. 170–178. (In Russ.)

Говоруха Л. С. Овеянный романтикой. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 246–249.

Govorukha L. S. Surrounded by romance. *Victor Konetsky: the man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait*; compiled by T. V. Akulova. St Petersburg, 2014, pp. 246–249. (In Russ.)

Голицына Т. Н. Невидимый, но всепоглощающий героизм: смысловая организация рассказа В. Конецкого «Тамара». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2020, № 4, с. 44–47. EDN: XXCWTT

Golitsyna T. N. Invisible, but all-consuming heroism: the semantic organization of the story of V. Konetsky "Tamara". *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2020, no. 4, pp. 44–47. (In Russ.) EDN: XXCWTT

Городницкий А. М. «Не трогайте Вику». *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 282–284.

Gorodnitskii A. M. "Don't touch Vika". *Viktor Konetsky: the man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait*; compiled by T. V. Akulova. St Petersburg, 2014, pp. 282–284. (In Russ.)

Гранин Д. А. Виктор Конецкий. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 88–89.

Granin D. A. Viktor Konetsky. *Viktor Konetsky: the man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait*. Compiled by T. V. Akulova. St. Petersburg, 2014, pp. 88–89. (In Russ.)

Зиновьева Е. Виктору Конецкому посвящается. *Нева*, 2019, № 6, с. 216–223.

Zinovieva E. Dedicated to Viktor Konetsky. *Neva*, 2019, no. 6, pp. 216–223. (In Russ.)

Каралис Д. Н. Аксиологическое и гносеологическое в произведениях Виктора Конецкого. Феномен лирического героя-рассказчика в безвременье 1970–1980-х. *Научные записки Новосибирского государственного университета экономики и управления*, 2024, вып. 1, с. 34–39.

Karalis D. N. Axiological and epistemological issues in Viktor Konetsky's works. The phenomenon of a lyrical narrator in the period of 1970–1980. *Scientific notes of the Novosibirsk State University of Economics and Management*, 2024, no. 1, pp. 34–39. (In Russ.)

Конецкий В. В. *За доброй надеждой: Роман-странствие*. Москва: Советская Россия, 1987. 744 с.

Konetsky V. V. *For the good hope: A novel-journey*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1987. 744 p. (In Russ.)

Конецкий В. В. *Лети, корабль!: эссе, материалы к биографии В. Конецкого, живописные работы*. Санкт-Петербург: МФ «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2003. 232 с. URL: https://booksafe.net/download/koneckiy_viktor-dopolnitelnyy_tom_leti_korabl-192465.epub (дата обращения: 30.08.2025).

Konetsky V. V. *Fly, ship!: essays, materials for the biography of V. Konetsky, paintings*. St Petersburg: IF "300 years of Kronstadt – the revival of shrines", 2003. 232 p. Available at: https://booksafe.net/download/koneckiy_viktor-dopolnitelnyy_tom_leti_korabl-192465.epub (accessed: 30.08.2025). (In Russ.)

Конецкий В. В. *Никто пути пройденного у нас не отберет*. Москва: Книжная палата, 1989. 636 с.

Konetsky V. V. *No one will take away any of the traversed paths from us*. Moscow: Knizhnaia palata, 1989. 636 p. (In Russ.)

Конецкий В. В. *Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. Эхо* (Вокруг и около писем читателей). Москва: МФ «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2002. 586 с. URL: https://4etalka.ru/proza-main/sovetskaya_klassicheskaya_proza-/262498/fulltext.htm (дата обращения: 14.09.2025).

Konetsky V. V. *Collected works in eight volumes. Vol. 7. Echo* (Around and alongside readers' letters). Moscow: IF "300 years of Kronstadt – the revival of shrines", 2002. 586 p. Available at: https://4etalka.ru/proza-main/sovetskaya_klassicheskaya-_proza/262498/fulltext.htm (accessed: 14.09.2025). (In Russ.)

Кудрова И. В. «Название не придумывается», – так написал бы Конецкий. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 149–156.

Kudrova I. V. Konetsky would write: "The title doesn't come up". *Viktor Konetsky: the man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait*; compiled by T. V. Akulova. St Petersburg, 2014, pp. 149–156. (In Russ.)

Попов В. Г. Морской волк. *Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету*, автор-составитель Т. В. Акулова. Санкт-Петербург: Площадь искусств, 2014, с. 217–220.

Popov V. G. The sea wolf. *Viktor Konetsky: the man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait*. compiled by T. V. Akulova. St Petersburg, 2014, pp. 217–220. (In Russ.)

Фесенко Э. Я. Арктический вектор в жизни героев русской прозы XX века. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2016, № 4, с. 134–147. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.4.134>; EDN: WLBCLR

Fesenko E. Ia. Arctic vector in the life of the characters of the 20th century Russian prose. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2016, no. 4, pp. 134–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.4.134>; EDN: WLBCLR

Фесенко Э. Я. Холод, воля и свобода: Арктика как иероглиф территории Виктора Конецкого. *Арктика: гуманитарные векторы развития. Тезисы Международной конференции*. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2022, с. 158–160. EDN: VIBQBG

Fesenko E. Ia. Cold, will and freedom: The Arctic as a hieroglyph of Viktor Konetsky's territory. *The Arctic: humanitarian vectors of development. Proceedings of the International Conference*; edited by S. G. Vanyashkin, E. V. Vorobyova. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2022, pp. 158–160. (In Russ.) EDN: VIBQBG

Belmonte J. S. Los excesos de intertextualidad de un héroe cansado: El club Dumas de Arturo Pérez-Reverte. *Bulletin hispanique*, 2015, vol. 117, no. 1, pp. 345–356.

Сведения об авторе

Елена Михайловна Мартынова – доктор филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-0686-4304>, lm1973@mail.ru, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (д. 35, ул. Приборостроительная, 302020 Орел, Россия); **Elena M. Martynova** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0686-4304>, lm1973@mail.ru, Federal Guard Service Academy of the Russian Federation (35, ul. Priborostroitelnaia, 302020 Orel, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.

The article was submitted 30.09.2025; Approved after reviewing 12.11.2025; Accepted for publication 27.11.2025.